
Обручённая с Драконом
Его приказ не обсуждается
Лоес Моррен

Лоес Моррен

Обручённая с Драконом: его приказ не обсуждается.

https://litres.ru/74722659
SelfPub; 2026

Аннотация

Мой жених выставил меня за дверь ради невесты с родословной получше. Для графини я, видите ли, слишком проста - всего лишь рыжая портниха из обычной семьи.

Что ж, теперь над дверью собственного ателье красуется моё имя. Рядом верные подруги, на столе новые заказы, а в сердце больше нет места мужчинам, которые стыдятся моего происхождения. По крайней мере, так я думала, пока на пороге не появился граф Эдмунд Эшфорд.

Ему срочно нужен костюм, а мне деньги на развитие мастерской. Но за примеркой следует приглашение на бал, за первым танцем - поцелуй, от которого подкашиваются колени и пощёчина, которую его сиятельство вполне заслужил.

Я решаю держаться от него подальше. Тем более что улыбчивый торговец кожей умеет ухаживать без приказов и спрашивает разрешения, прежде чем прикоснуться.

Только у графа другие планы. Церковное предписание уже доставлено. Венчание назначено через месяц. А моя вышивка,

кажется, пробудила магию, о которой он знает гораздо больше, чем говорит.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 21
Глава 3 37
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Лоес Моррен
Обручённая с Драконом: его приказ не обсуждается.

Глава 1

За ночь ветер сноваперекосил мою вывеску, и теперь фамилия Хартли заметно сползала к водосточнойтрубе. Я поставила корзинку на ступеньку, приподнялась на носки и подделанижний край таблички сложенным зонтом. Дерево тихо стукнуло о стену, буквывыровнялись, и я позволила себе улыбнуться.

Эйприл Хартли. Платья и мужские костюмы, — гласила надпись, за которую мастер взял с меня на два шиллинга больше обещанного. Он уверял, что длинные фамилии требуют особого подхода, хотя я подозревала, что особого подхода требовали его вчерашние долги в трактире.

Впрочем, имя он вывел красиво, тонким золотом по тёмной зелени. Я провела пальцем по завитку под последней буквой и вытерла каплю дождевой воды. Год назад мне казалось невероятным, что когда-нибудь прохожие будут останавливаться перед моими окнами ради работы, а не ради очередной истории о брошенной невесте.

По другую сторону улицы молочник снимал с тележки бидоны, придерживая их коленом. Из переулка пахло мокрыми досками, яблочной кожурой и хлебом, который в пекарне Купер вынимали из печи с рассветом. Уиллоубрук просыпался неторопливо, и только колокольчик на шее буланой молочной кобылы звенел так усердно, словно от его стараний зависела вся городская торговля.

Я достала ключ, но он зацепился в кармане за оборванную нитку. Пришлось расправить подкладку, и большой палец наткнулся на старый грубоватый шов, сделанный в спешке. Именно в этом пальто я полтора года назад стояла в передней дома Уитморов и смотрела, как лакей ставит у двери мой дорожный сундук.

Сундук оказался удивительно лёгким для вещи, в которую только что уложили мою будущую жизнь. Я помнила тёмную полосу на паркете, мокрый нос собаки у камина и золотую застёжку на жилете Саймона. Эту застёжку я сама выбрала за три дня до того, уверенная, что скоро смогу поправлять ему воротник по утрам.

— Ты ведь понимаешь, Эйприл, что положение обязывает, — сказал тогда Саймон, не подходя ближе. — Я отвечаю за имя семьи, за поместье, за людей, и мне необходимо думать дальше собственных чувств. Надеюсь, ты не станешь затруднять расставание сценами.

Я не сразу поняла, что словом «сцены» он называл всё, что я могла сказать в ответ. Саймон стоял возле зеркала, где

ещё накануне мы вместе разглядывали рисунок свадебного платья. На столике под зеркалом лежали мои ножницы, и почему-то именно из-за них у меня начали дрожать руки.

— А когда ты просил меня стать твоей женой, имя семьи было другим? — спросила я, цепляясь за край кармана. — Или люди в поместье появились только после знакомства с дочерью маркиза? Я пытаюсь понять, в какой день перестала тебе подходить.

Он поморщился и посмотрел на лакея. Тот поспешно отвернулся к вешалке, но уходить ему не велели. Через минуту я уже знала, что леди Сесилия Фэрфакс обладает воспитанием, связями и приданым, без которых Саймон до сих пор каким-то чудом обходился.

— Между нами было прекрасное чувство, и я не собираюсь его обесценивать. Но для брака одного чувства недостаточно, особенно в моём положении. Когда-нибудь ты поблагодаришь меня за честность.

Я так и не поблагодарила. Забрала со столика ножницы, подняла сундук, который лакей тут же попробовал отнять у меня с виноватым лицом, и пошла к двери. Саймон окликнул меня только затем, чтобы спросить, не осталось ли наверху начатого жилета: портной из столицы обещал приехать лишь через неделю.

Ключ наконец освободился, и я с такой силой повернула его в замке, что механизм обиженно щёлкнул. В стекле двери мелькнуло моё отражение: рыжая прядь выбилась из узла,

на переносице темнели веснушки, подбородок был упрямо поднят. Я пригладила волосы ладонью и потянула дверь на себя, оставив переднюю Уитморов там, где ей и полагалось быть, — за полтора года от этого утра.

Колокольчик над входом отозвался знакомым звоном. Внутри пахло льном, кедровой стружкой и утюгом, остывшим после вчерашней работы. Я сняла пальто, повесила его на собственный крючок и первым делом открыла книгу заказов.

До очередного взноса за большой раскройный стол и два манекена оставалось пять дней. Если миссис Белл сегодня заберёт платье, а поверенный мистер Нэш вспомнит, что обещал рассчитаться за жилет, нужная сумма соберётся почти целиком. Слово «почти» я обвела карандашом, после чего зачеркнула: покупатели и без моих украшений достаточно уверенно с ним обходились.

Рядом с книгой лежал конверт с выручкой, и я переложила из него несколько монет в жестяную коробку для выплат. На дне звякнул одинокий медяк, который я всё время оставляла там на удачу. Он пока не принёс богатства, зато его присутствие помогало не проверять коробку каждые полчаса.

Я распахнула внутренние ставни, и утренний свет скользнул по ряду плечиков. Шёлк в витрине из серого стал голубым, крошечные стеклянные бусины на вечернем лифе засветились, а чёрный мужской костюм в дальнем углу обрёл глубокий лиловый отлив. В такие минуты мне всегда хоте-

лось немедленно сесть за работу, даже если накануне я клялась прежде всего выспаться.

Голубое платье я придумала после дождя, когда в лужах возле мельницы отражалось ясное небо. Его верхняя юбка расходилась при ходьбе узкими лепестками, открывая светлую нижнюю, и каждая складка возвращалась на место без тяжёлого каркаса. Заказчица сперва сказала, что это слишком смело, а потом потребовала спрятать платье до её первого выхода, чтобы никто не успел заказать похожее.

Рядом стоял манекен в дорожном платье цвета мха. Под аккуратными боковыми складками прятались два вместительных кармана, и именно эта подробность вызывала у посетительниц куда больше восторга, чем вышивка. Одна вдова даже прослезилась, обнаружив, что может одновременно унести платок, ключи и деньги, не поручая всё это горничной.

Но чёрный костюм в дальнем углу не имел ни заказчика, ни удобного оправдания. Я шила его по вечерам, когда срочные работы были закончены, и потратила на него столько хорошего сукна, что потом неделю избегала взглядом книгу расходов. В городе пока не находилось мужчины, готового заплатить за такую вещь, и всё же убрать её с витрины у меня не поднималась рука.

Лиловые вставки шли от плеча к талии, делая силуэт собранным и лёгким. Красное кружево я пустила узкой полосой по воротнику и манжетам, приглушив слишком яркий

цвет чёрной нитью. При солнечном свете отделка напоминала тёмные ягоды среди обгоревших веток, а в тени почти исчезала.

Я вынула булавку из лацкана и осторожно отвела воротник. На внутренней стороне золотились две крошечные буквы, переплетённые с листком папоротника: моё клеймо, которое я теперь ставила на каждую законченную вещь. Когда-то мне казалось, что достаточно сделать работу хорошо, и люди сами запомнят, кто её сделал.

Материнская тетрадь лежала в верхнем ящике стола, завёрнутая в выцветший платок. Я достала её, нашла страницу с узкой ветвью и сравнила рисунок с красной отделкой. Мама никогда не давала мне копировать бездумно: заставляла сначала понять, куда повернёт побег и почему два соседних листа не должны смотреть в одну сторону.

Я убрала тетрадь, проверила подкладку костюма и повесила на манекен измерительную ленту. Когда-нибудь рядом с этим столом будет сидеть ученица, и я научу её оставлять припуски, записывать расходы и не верить обещанию «всё после свадьбы станет общим». Последний урок вряд ли входил в ремесленный устав, но мне он обошёлся дороже всех прочих.

Стук в стекло заставил меня вздрогнуть и уронить ленту. За дверью стояла Мэйзи, прижимая к груди чайник в толстом полотенце, а подбородком придерживая крышку. Она изобразила такое возмущение моей медлительностью, что я

поспешила отпереть, прежде чем подруга начнёт стучать носиком.

— Не вздумай говорить, что уже позавтракала, — предупредила она, переступая порог. — У тебя в окне горел свет, когда я закрывала пекарню, и я прекрасно знаю, чем питаются женщины, которые работают после полуночи. Кусочек сыра, холодный чай и уверенность, будто этого достаточно до следующего вечера.

— Ещё было яблоко, причём вполне приличное, — возразила я, подхватывая чайник. — И мы обе знаем, что ты вчера закрыла пекарню позднее обычного, потому что ждала помощника аптекаря. Не уверена, что булочки с корицей нуждались в покупке лекарства от кашля.

— Он принёс мазь для ожога, а я продала ему ужин, и оба остались довольны. Если бы мужчинам нравились женщины исключительно за душу, моя торговля по вечерам заметно сократилась бы. Надевай шаль, Бет уже вынесла стулья и грозится съесть твою долю.

Я посмотрела на раскрытую книгу заказов и на манекен с недошитым рукавом. До первой примерки оставалось больше часа, но привычка считать любое свободное время украденным у работы успела крепко во мне укорениться. Мэйзи проследила за моим взглядом, захлопнула книгу пальцем и молча подвинула ко мне шаль.

— Полчаса, — сказала я, забирая со стойки три чайные ложки. — Потом мне нужно закончить рукав миссис Белл и

напомнить мистеру Нэшу о деньгах. Если он снова пришлёт благодарность вместо оплаты, я велю ему расписаться прямо на жилете.

Мэйзи одобрительно кивнула и придержала дверь. На улице между моим ателье и пекарней уже стоял небольшой столик, который мы сообща спасли от печки прошлой осенью. Одну его ножку подбивали сложенным кожаным обрезком, но скатерть с вышитыми ромашками придавала всему предприятию вид продуманной роскоши.

Бет сидела боком к мясной лавке, чтобы видеть вход, и раскладывала булочки. Утренний передник она сменила на чистый, однако рукава остались закатаны, а на запястье краснел след от ручки тяжёлой корзины. Возле её стула терпеливо лежал пёс мясника, всем видом показывая, что готов поддержать любую беседу, в которой хотя бы изредка участвует ветчина.

— Я уже начала думать, что ты пришиваешь к платьям время и поэтому никому его не оставляешь, — сказала Бет вместо приветствия. — Садись, чай остывает, а у меня новость, которую невозможно рассказывать натощак. Вчера я встретила на ярмарке такого мужчину, что забыла, зачем пришла к скобяной лавке.

Я поставила чайник в середину стола, и Мэйзи осторожно сняла полотенце. Над крышкой поднялся пар с запахом мяты и сушёной смородины, а Бет придвинула мне тарелку с ещё тёплой булочкой. Внутри у меня вдруг болезненно потянуло

от голода, и я поняла, что подруга про холодный сыр угадала слишком точно.

— Насколько я помню, ты собиралась купить крюк для двери кладовой, — заметила Мэйзи, разливая чай. — Если вернулась с мужчиной, надеюсь, он хотя бы умеет держать дверь закрытой. Иначе эта покупка не решает твоей хозяйственной задачи.

— Его зовут Генри Брукс, и он кузнец, — сообщила Бет, обхватывая чашку ладонями. — Держит кузницу возле старого моста, куда ты всё собиралась отнести петлю от шкафа, Эйприл. Только не смотри так деловито, я не для того начала разговор, чтобы вы сейчас составили ему список починок.

— У тебя был свёрток размером с ладонь, — напомнила Мэйзи с подозрительной осведомлённостью. — Я видела, как ты шла от ярмарки, а он нёс его обеими руками, словно там лежал хрустальный лебедь для королевского стола. Мне захотелось немедленно заказать у него гвозди, чтобы посмотреть, как он обращается с тяжестями.

Бет покраснела до самых ушей, что совершенно не сочеталось с её обычной невозмутимостью. Я впервые видела, чтобы женщина, способная одним взглядом заставить спорщика согласиться с весом бараньей ноги, растерялась из-за чужих рук. Она попыталась спрятать улыбку за чашкой, но чашка оказалась недостаточно велика.

— Руки у него действительно хорошие, и плечи тоже, — призналась она, поглядывая на нас поверх края. — А ещё

бородка аккуратная, без крошек и прочих неожиданностей, которые мужчины почему-то считают частью украшения. Но мне понравилось, что он сперва спросил, куда мне нужно, а потом пошёл рядом, хотя его кузница совсем в другой стороне.

— Он обещал посмотреть твою дверь? — спросила я, стараясь звучать как можно невиннее. — Мне просто любопытно, будет ли у тебя сегодня причина вымыть ступеньки ещё раз. Вчера после ярмарки они сияли так, что я опасалась поскользнуться на твоём хорошем настроении.

— Он зайдёт после полудня, а ступеньки я мою независимо от мужчин, — заявила Бет. — Просто некоторые мужчины удивительно удачно появляются после уборки и до того, как я снова рассержусь на покупателей. Если вы обе перестанете караулить его за витринами, я, возможно, расскажу вечером подробности.

— Ладно, про Бет мы всё выяснили, — сказала Мэйзи, собирая крошки на край блюдца. — А тебя вчера ждал тот молодой человек из конторы землемера, который заказал два носовых платка с инициалами. Если он собрался вышить весь свой гардероб, я заранее советую повысить цену.

— Пока я готова впустить в свою жизнь мужчину, который умеет молча держать манекен, — ответила я, поправляя съехавшую скатерть. — И ещё желательно, чтобы он не задавал вопросов, когда я прошу поднять руку в пятый раз. Впрочем, мой деревянный помощник уже выполняет боль-

шую часть условий, а кормить его совсем не нужно.

Мэйзи открыла рот для очередной шутки, но Бет чуть заметно коснулась её локтя. Видимо, я улыбнулась не так убедительно, как рассчитывала, потому что обе вдруг принялись смотреть на свои чашки. Я разозлилась на себя: столько времени прошло, а одна невинная фраза всё ещё могла превратить меня в ту девушку с сундуком.

— Я не собираюсь всю жизнь сидеть за запертой дверью, — добавила я, пока жалость не успела устроиться между нами четвёртой гостьей. — Просто сейчас мне хочется закончить весенние заказы, расплатиться за стол и понять, сколько я могу зарабатывать сама. Мне нравится, когда от моего решения зависит хотя бы длина собственного дня.

— Тогда будем обсуждать твои заказы, пока ты сама не захочешь другой беседы, — сказала Бет и забрала у меня пустую чашку. — А если когда-нибудь захочешь, я не стану мерить тебе срок ожидания по календарю. Разве что Генри окажется обладателем стольких достоинств, что я не смогу о них молчать.

Я благодарно толкнула её коленом под столом и потянулась за последней булочкой. В ту же секунду пёс поднял голову, уши его насторожились, а за поворотом раздался непривычно ровный стук копыт. Возчик с капустой поспешил прижаться к обочине, хотя никто ещё не успел потребовать дорогу.

Сначала показались две белые лошади, потом ещё две,

пристёгнутые к длинной тёмной карете. Их гривы были заплетены чёрными лентами, на серебристой упряжи поблёскивали маленькие пластинки с гербом. За экипажем ехали двое всадников, и даже грязь на нижнем крае их плащей выглядела уместнее, чем пыль на лучших сапогах наших городских щёголей.

Мэйзи застыла с чайником в руке, так и не долив Бет чай. Я поймала её запястье, прежде чем носик успел ткнуться в скатерть, и посмотрела на дверцу кареты. В серебряном щите над переплетёнными ветвями расправил крылья дракон, а под ним шла надпись на языке, который я не умела читать.

— Эшфорды, — негромко произнесла Бет, выпрямляясь на стуле. — Я видела этот герб на накладных, когда управляющий заказывал мясо для большого приёма. Только не понимаю, что их карете понадобилось возле наших лавок в такую рань.

Я тоже не понимала, но невольно посмотрела на свои окна. Витрина была чистой, голубое платье стояло удачно, а узкий рулон полотна возле входа я, к счастью, убрала ещё вчера. Потом карета остановилась прямо у ступенек, и мне стало не до полотна, потому что лакей спрыгнул на мостовую и открыл дверцу.

Вышедший мужчина оказался высоким, тёмноволосым и одетым с той сдержанной точностью, которая обходится дороже всякой роскоши. На чёрном дорожном сюртуке я сразу заметила превосходно посаженный рукав, затем взгляд со-

вершенно непрофессионально задержался на широких плечах и линии рта. Мне захотелось поправить собственную шаль, но я удержалась, надеясь, что лицо не выдало последовательность моих наблюдений.

Он коротко распорядился, чтобы кучер ждал, и повернулся к нам. Движение было неторопливым, однако я вдруг выпрямила спину, словно меня застали на чужом месте. Незнакомец скользнул взглядом по чашкам, задержался на раскрытой двери ателье и чуть наклонил голову.

— Доброе утро, дамы, прошу простить вторжение, — сказал он низким спокойным голосом. — Мне рекомендовали мастерскую мисс Хартли, и я надеялся застать хозяйку до начала её рабочего дня. Вы не подскажете, она уже здесь?

Мэйзи посмотрела на вывеску, потом на меня и прижала губы друг к другу. Бет под столом наступила мне на носок, явно желая придать встрече ускорение, и я поднялась немного резче, чем намеревалась. Отодвигая стул, я успела услышать шёпот о том, что манекен такой мужчина наверняка удержит.

— Хозяйка здесь, — ответила я, поднимая корзинку с крючка на спинке. — Эйприл Хартли, к вашим услугам, милорд. Если вы пришли по поводу заказа, я с удовольствием вас выслушаю.

Он посмотрел на меня внимательнее, и я ощутила нелепое желание проверить, не осталось ли на губе глазури. Мэйзи с Бет тоже поднялись, причём с такими невинными лицами,

что я заранее знала, какую беседу получу после ухода посетителя. Я открыла дверь ателье, незаметно показала подругам кулак за спиной и пригласила гостя войти.

Пока он переступал порог, колокольчик звякнул, как для любого покупателя. Этот обыкновенный звук почему-то сразу вернул мне уверенность, и я положила корзинку за стойку, а шаль повесила рядом с пальто. В мастерской я хотя бы знала, где стоять, что предложить и о чём спрашивать, когда мужчина смотрит слишком пристально.

— Леди Маргарет Хьюз сказала, что вы умеете обходиться без тяжёлых прокладок в женских лифах, — произнёс он, остановившись возле голубого платья. — Её сестра с тех пор не соглашается ехать к столичным портным и уверяет, что впервые может дышать на званом ужине. Признаюсь, меня заинтересовала рекомендация, ради которой пришлось выслушать столь подробное описание платья.

Я вспомнила леди Маргарет, её маленькую круглую сестру и сорок минут, потраченные на спор о положении шва. Заказчица не желала признавать, что удобство может выглядеть изящно, пока я не дала ей сесть в ещё смётанном платье. Упоминание этой работы обрадовало меня сильнее любого комплимента витрине, и я невольно улыбнулась гостю уже без напряжения.

— Надеюсь, описание было благоприятным, — сказала я, обходя стойку. — Леди Маргарет осталась довольна, но в подробностях примерки наши мнения несколько раз расходи-

лись. Что именно вам требуется, милорд?

Вместо немедленного ответа он прошёл вдоль манекенов и остановился у мужского дорожного комплекта. Я следила за тем, как его взгляд задерживается на карманах и воротнике, и старалась не думать о сумме в жестяной коробке. Богатые посетители не всегда оказывались хорошими заказчиками: некоторые полагали, что возможность угодить им сама по себе заменяет плату.

— Это тоже ваша работа, включая покрой? — спросил он, не касаясь ткани. — Я ожидал увидеть преимущественно женские наряды и собирался спрашивать о мужских отдельно. Здесь у вас неожиданно большой выбор для одной мастерицы.

— Образцы накапливаются постепенно, а готовые вещи я подгоняю по фигуре, — объяснила я, останавливаясь рядом. — Если нужен новый костюм, мы сначала обсуждаем назначение, ткань и срок, потом снимаем мерки. Я предпочитаю заранее знать, придётся ли человеку весь вечер танцевать, стоять на церемонии или прятаться от родственников в библиотеке.

— Первые два пункта, боюсь, неизбежны, — ответил он, поворачиваясь ко мне. — В моём имении состоится приём, а доставленный из столицы костюм испорчен и для церемонии непригоден. Мне нужен парадный, строгого покроя, с отделкой под фамильные украшения.

Я обмакнула перо и записала назначение заказа. За ок-

ном Бет что-то сказала Мэйзи, та прыснула, а я мысленно пообещала обеим подобрать следующий наряд с таким количеством пуговиц, чтобы на обсуждение моей жизни не осталось времени. Потом посетитель отступил от манекена, и дневной свет лёг на его лицо, открывая тонкий старый шрам возле виска.

— Приём состоится послезавтра, мисс Хартли, — добавил он тем же ровным голосом. — Я хотел бы получить костюм к полудню, чтобы осталось время на последнюю примерку. Мне сказали, что вы способны взяться за необычную работу, и я рассчитываю на вашу помощь.

Перо остановилось над бумагой, оставив возле слова «парадный» большую чёрную каплю. Я посмотрела на часы, потом на гостя, ожидая хотя бы намёка на шутку. Он терпеливо ждал ответа, и по этому спокойствию было совершенно ясно, что в его мире два дня считались вполне достаточным сроком для чужого чуда.

Глава 2

Я промокнула чернильную каплю уголком ненужной бумаги и аккуратно положила перо. Пятно возле слова «парадный» расползлось, сделав запись похожей на извещение о чьей-то безвременной кончине. Если бы речь шла о моём свободном времени, бумага не слишком погрешила бы против истины.

— К сожалению, я не смогу выполнить такой заказ к послезавтра, милорд, — сказала я, возвращаясь из-за стойки. — Для нового костюма мне понадобятся как минимум две примерки, а ещё раскрой, смётка и ручная отделка. Даже если сукно уже выбрано, два дня ничего не меняют.

— Назовите цену с учётом срочности, — предложил посетитель, сняв одну перчатку. — Мне нужен хорошо сшитый костюм, и я понимаю, что ради него придётся отложить другие дела. Если вы согласитесь работать только над моим заказом, я заплачу втрое больше обычного.

В воображении немедленно открылась жестяная коробка, полная монет. За ней показалась полка с новым сукном, потом свободное место возле стола, куда можно было усадить ученицу. Я даже успела представить хорошую настольную лампу вместо моей старой, с треснувшим креплением, прежде чем напомнила себе, что шить за меня всё это не станет.

— Деньги не добавят часов в сутки, — ответила я, стараясь, чтобы голос не выдавал сожаления. — Отложенные заказы всё равно придётся закончить, а плохо посаженную вещь вы не станете носить только потому, что дорого за неё заплатили. Я могу обещать вам работу к следующей неделе, но не к послезавтра.

— Тогда посмотрим то, что уже готово, — сказал он без прежней уверенности в лёгкости задачи. — Мне не приходилось покупать парадную одежду таким способом, но, вероятно, это лучше, чем спорить с человеком, который знает своё дело. Только сначала позвольте представиться, поскольку я, кажется, начал знакомство с затруднений.

Он назвал себя Эдмундом Эшфордом, и я склонила голову, надеясь, что поклон вышел достаточно почтительным. Фамилию Бет уже подсказала мне у кареты, однако услышать её от самого владельца было почему-то совсем не то же самое. Я подумала, что у графа подходящее имя: спокойное, тяжёлое, с хорошо застёгнутыми пуговицами.

— Готовые модели как раз для таких случаев и существуют, милорд, — ответила я, убирая испорченный лист. — Если основа подойдёт, я смогу подогнать её по фигуре гораздо быстрее, чем сшить новую вещь. Но обещать срок буду только после примерки, иначе мы вернёмся к тому же разговору.

Я открыла широкий шкаф у дальней стены, куда убирала нарядные вещи от прямого света. На перекладине висели три комплекта, а нижнюю полку занимали обтянутые тканью

коробки с жилетами. Граф отступил, позволяя мне вынуть плечики, и я с облегчением обнаружила, что он хотя бы не собирается выбирать, стоя у меня на пути.

Первый костюм был тёмно-синим, с серебристой отделкой, рассчитанный на человека пониже и значительно уже в плечах. Второй, дымчато-серый, я предназначала для свадебных церемоний, где жениху обычно полагалось выглядеть счастливым, но не затмевать невесту. Эшфорд задержался возле него на мгновение, а потом перевёл взгляд на чёрный костюм у окна.

— А этот почему вы не показываете? — спросил он, указав на лиловую вставку. — Синий мне, кажется, будет мал, а серый слишком светлый для вечерней церемонии. Я предпочёл бы посмотреть чёрный, если он уже закончен.

Я хотела объяснить, что это выставочная вещь, которую я берегла для достойного случая. Но случай стоял рядом, разглядывал красное кружево и, по всем признакам, мог позволить себе мою цену. Я сняла со спины манекена измерительную ленту и осторожно развернула его к свету.

— Он закончен, хотя отделка не совсем обычная для строгого приёма, — предупредила я, расправляя лиловую вставку. — При свечах красный цвет будет заметнее, чем сейчас, и его лучше повторить в камне или небольшой детали украшения. Если вам требуется полностью чёрный костюм, я могу предложить другой жилет к серому комплекту.

Эшфорд провёл пальцами по воздуху возле воротника, не

касаясь кружева. На его правой руке я заметила перстень с тёмно-красным камнем, и ответ стал ясен раньше, чем он заговорил. Составляя отделку, я думала о ягодах после первых заморозков, а теперь вдруг увидела, как удачно этот оттенок должен смотреться возле его лица.

— У моего церемониального знака как раз такая вставка, — произнёс граф, чуть повернув кольцо. — Мне нравится, что её не придётся поддерживать чем-то ещё более громким. Вы сами придумали этот узор или он взят из старого образца?

— Основу я нашла в семейной тетради, а рисунок изменила под воротник, — объяснила я, проверяя застёжку. — Слишком крупная ветвь здесь тянула бы ткань и мешала поворачивать голову. Орнамент должен хорошо выглядеть не только на манекене, но и на человеке, которому иногда требуется сесть.

Он улыбнулся, и мне сразу стало труднее сосредоточиться на пуговицах. Я отнесла костюм к примерочной, по дороге прихватив чистую рубашку для защиты подкладки. Мой деревянный помощник остался возле окна в одном полотняном чехле и выглядел так, словно я только что продала его лучшее будущее.

— Могу позвать вашего камердинера, если вам нужна помощь, — предложила я, расправляя край занавеси. — Здесь тесновато, зато зеркало показывает посадку со спины, если немного его повернуть. Вещи, которые снимаете, лучше по-

ложить на стул, потому что крючок справа иногда оставляет след на светлой ткани.

— Я справлюсь сам, мисс Хартли, — ответил он и положил перчатки на скамью. — Если окажется слишком тесно, я попрошу вас отодвинуть занавесь. В остальном надеюсь обойтись без помощи, если застёжек там действительно столько, сколько я успел заметить.

Когда занавесь отодвинулась, я сперва посмотрела на воротник и лишь потом на мужчину. Чёрное сукно легло по плечам почти безупречно, а лиловые вставки подчеркнули линию талии сильнее, чем я ожидала. На манекене костюм казался смелой задумкой, но на Эшфорде выглядел так естественно, будто я с самого начала шила его именно для него.

— Кажется, вам не придётся ни с кем спорить, — сказала я, подходя ближе. — Основные пропорции подходят, хотя рукава длинноваты, а в талии нужно убрать немного ткани. Пройдите, пожалуйста, к зеркалу и попробуйте поднять руки, только не обе сразу.

— Вы ещё не сказали, сколько это будет стоить вместе с переделкой, — напомнил граф, глядя на меня через зеркало. — Я не возражаю против доплаты за срочность, если работа выполнима. Предпочёл бы договориться сейчас, пока вы не выяснили, что у меня гораздо больше недостатков, чем у вашего манекена.

Я назвала цену и объяснила, что в неё входят подгонка и повторная примерка, если она всё же потребуется. Он согла-

сился без торга, а я ощутила одновременно радость и нелепое подозрение, что следовало просить больше. Пришлось мысленно одёрнуть себя: вчера я сочла бы эту сумму отличной, и ширина плеч заказчика не давала оснований менять расценки.

Для начала я попросила его снять верхнюю часть костюма, чтобы точнее проверить мерки по рубашке. Под ней на плечах не было лишней прокладки, и мне стало немного стыдно за профессиональное предположение, сделанное у кареты. Я повесила сюртук рядом с зеркалом, взяла ленту и показала, как нужно держать руку.

Пальцы коснулись его запястья, когда я расправляла сдвинувшуюся манжету. Под кожей у него был такой жар, что я невольно отдёрнула руку и задела локтем край зеркала. Граф сразу подхватил раму, не позволив ей стукнуться о стену, а я осталась стоять с лентой, нелепо повисшей между нами.

— Вам нехорошо, милорд? — спросила я, посмотрев на его лицо. — У вас очень горячие руки, и мне показалось, что вы больны. Мы можем отложить примерку на час, если вы хотите посидеть или выпить воды.

— Вода не понадобится, благодарю вас, — ответил он после короткой паузы. — Это давняя особенность, и она не опасна для окружающих. Если я причинил вам неудобство, можем продолжить в перчатках, хотя боюсь, они помешают вашим измерениям.

В его голосе появилась такая осторожность, что я вдруг

перестала чувствовать себя неловко. Я знала эту интонацию по женщинам, заранее предупреждавшим об уродливом шраме или искривлённой после травмы спине. У каждого было право не объяснять портнихе историю собственного тела, если для работы хватало нескольких простых сведений.

— Перчатки не нужны, я просто удивилась, — сказала я, заново расправляя ленту. — Вам достаточно опустить плечо и не помогать мне поворачивать себя в разные стороны. Большинство мужчин, к сожалению, пытаются угадать следующее движение раньше, чем я о нём попрошу.

Он послушно опустил плечо, и я повторила измерение. На этот раз коснулась его сознательно, стараясь думать о цифрах, а не о тепле, которое чувствовала даже через тонкую рубашку. Лента скользнула по груди и легла возле моей ладони, пока он стоял так неподвижно, словно от этого зависело нечто гораздо более важное, чем длина рукава.

Я записала мерку, повернула страницу и обнаружила, что забыла поставить точку после обозначения плеча. Это была совершенно несущественная мелочь, но я потратила на неё лишние несколько мгновений. Когда снова подняла голову, Эшфорд смотрел на мою руку, и мне захотелось спрятать старый серебряный напёрсток, потемневший возле ободка.

— Этим вы тоже пользуетесь по семейной традиции? — спросил он, заметив движение пальцев. — На нём такой же лист, как на внутренней стороне вашего воротника. Я не хотел бы задавать лишних вопросов, но у вас редкая привычка

доводить рисунок до мелочей, которых никто не видит.

— Напёрсток принадлежал маме, — ответила я, снова принимаясь за мерки. — А знак на подкладке мой, чтобы мастерскую можно было узнать, даже если хозяин вещи забудет её название. Хорошая изнанка иногда говорит о работе больше, чем самая заметная отделка.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на меня, и я подняла руку, останавливая движение. Лента ещё лежала у основания его шеи, а мы оказались ближе, чем следовало для спокойного разговора о подкладке. В зеркале отражались моя рыжая макушка, его обнажённая шея над рубашкой и слишком внимательный взгляд, от которого я вдруг перестала слышать уличный шум.

— Не двигайтесь, пожалуйста, — попросила я, но голос вышел тише обычного. — Осталось совсем немного, и потом можно будет поправить воротник. Если вы повернётесь сейчас, я запишу неверное число и сама же буду виновата в неудобной посадке.

Он остановился, а я посмотрела ему в глаза, собираясь проверить, услышал ли он меня. В серой радужке промелькнуло что-то золотое, узкое и яркое, похожее на отсвет пламени. Я моргнула, отблеск исчез, и за моей спиной в зеркале остались только светлая витрина и стеклянная баночка с булавками.

Я убрала ленту, стараясь не отступить слишком поспешно. Вероятно, солнце отразилось в серебряной упряжи за ок-

ном, хотя ни одна из лошадей не стояла напротив зеркала. Граф не спросил, почему я замолчала, и за это я была ему благодарна гораздо сильнее, чем следовало.

— С мерками всё, теперь наденьте сюртук ещё раз, — сказала я, протягивая ему вещь. — Мне нужно отметить длину рукавов и убрать излишек ткани по спинке. После этого я смогу назвать точное время выдачи, а вы наконец получите возможность опустить руки без моего разрешения.

К обычным движениям вернулась уверенность, а вместе с ней и способность дышать ровно. Я заколола лишнее, провела мелом короткие линии и попросила пройтись от зеркала до стойки. Чёрный костюм двигался вместе с ним, красная отделка мелькала при каждом повороте, и я с тихой гордостью поняла, что он не цепляется ни за одну складку.

— Завтра к четырём всё будет готово, — сказала я, вынимая последнюю булавку из манжеты. — Если сегодня при распарывании обнаружится что-то неожиданное, я сразу отправлю записку в ваше имение. Но предварительно могу обещать, что вы получите костюм без ночных подвигов и сомнительного качества.

Он поблагодарил меня и скрылся за занавесью, а я вернулась к стойке, проверяя записи. На бумаге получилось вполне обычное соглашение: продажа готового комплекта, подгонка по указанным меркам, общая цена двенадцать гиней. Отдельной строкой я перечислила переделки и оставила место для отметки об оплате, чувствуя себя гораздо спокойнее

рядом с цифрами.

Когда граф вышел в своей дорожной одежде, я предложила ему прочитать условия. Он внимательно пробежал глазами обе копии, уточнил, можно ли укрепить петлю для церемониального знака, и поставил подпись. Взяв четыре гинеи задатка, я выдала расписку и позволила себе только один короткий взгляд на золотые монеты.

— Завтра пришлю посыльного с остатком платы, — сказал он, убирая свою копию во внутренний карман. — Меня ожидают в имении, поэтому повторная примерка, вероятно, не получится, но я доверюсь вашим записям. Пожалуйста, передайте ему также всё, что сочтёте нужным объяснить моему камердинеру.

Я пообещала приложить записку и проводила его к двери, мысленно проверяя, не забыла ли чего-нибудь существенного. Мы уже обменялись прощальными поклонами, когда он задержался, посмотрев на имя над витриной с внутренней стороны. На мгновение мне показалось, что он хочет сказать ещё что-то, но Эшфорд только поблагодарил за найденный выход и спустился к карете.

Я следила, как лакей закрывает дверцу, как кучер подбирает поводья и белые лошади трогаются с места. Только когда последний всадник исчез за поворотом, до меня дошло, что я всё ещё держу дверь открытой. За спиной раздался многозначительный кашель, и я обернулась к двум женщинам, которым явно не терпелось задать неприличное коли-

чество вопросов.

— Ну, рассказывай, — потребовала Мэйзи, складывая руки на груди. — Он пробыл у тебя достаточно долго, чтобы заказать гардероб на остаток жизни, а ты выглядишь так, будто забыла собственный адрес. Нам надеяться на богатого клиента или уже начинать завидовать?

— На двенадцать гиней за костюм, — ответила я, проходя к стойке. — Завидовать можете моему манекену, потому что сегодня его одежда понравилась человеку, который способен за неё заплатить. Всё остальное заняло обычное время: снять мерки, проверить посадку и объяснить условия.

— Я бы тоже долго объясняла ему условия, — призналась Бет, садясь на край стула. — Только постарайся не разговаривать с этим человеком так, как с мистером Нэшем, даже если он забудет деньги. Управляющий говорил, что перед графом Эшфордом встают королевские советники и сам епископ.

Я перестала поправлять отделку и посмотрела на приятельницу. Знатные заказчики бывали у меня и прежде, но среди них не находилось никого, ради кого поднимались бы епископы. Мне вдруг стало не по себе от воспоминания о том, как уверенно я объясняла этому человеку, что его деньги ничего не меняют.

— Он хранитель северных рубежей, — продолжила Бет, заметив мой взгляд. — Подробностей я не знаю, но во время заседаний ему отводят место возле короля, и спорить с ним

считается плохим началом беседы. Правда, если ты уже выставила ему счёт и он согласился, самое опасное, вероятно, позади.

— Если захотите узнать остальное, начните с обхвата груди и длины рукава, — предложила я, прикрывая книгу ладонью. — Их я могу назвать точно, а о королевских советниках мне во время примерки не докладывали. И вообще, разве Генри не должен зайти к тебе после полудня, Бет?

При имени кузнеца она немедленно посмотрела на часы. Мэйзи рассмеялась, подхватила подругу под локоть и повела к двери, обещая прислать мне что-нибудь поесть. Я дождалась, пока стихнет их спор о том, стоит ли Бет переодеваться ради починки двери, и снова взяла в руки костюм.

До обеда я занималась другими заказами. Миссис Белл явилась к назначенному часу, потребовала ещё раз проверить, можно ли поднять руки, и расплатилась без обычного спора. На этот раз она привела племянницу, которой понадобилось платье к осенней ярмарке, и я записала новый заказ, мысленно поблагодарив день за щедрость.

После обеда я разложила чёрный костюм на столе, перенесла отметки на изнанку и начала осторожно распарывать боковой шов. Возле лиловой вставки отделка заходила чуть дальше, чем я помнила, поэтому ради подгонки пришлось снять несколько стежков вышитой ветви. Я отметила их на бумаге, чтобы вечером восстановить рисунок без торопливых догадок.

Через открытую форточку доносились удары молотка: Генри уже чинил дверь Бет. Она время от времени отвечала ему, причём тем мягким голосом, которого никогда не слышали покупатели, просившие отвесить побольше без доплаты. Я улыбалась над швом, пока не обнаружила, что сама уже несколько минут прислушиваюсь к остановившимся на улице экипажам.

К шести основная подгонка была закончена, а мистер Нэш наконец прислал деньги через служащего. Я вписала оплату в книгу и отделила сумму очередного взноса, не трогая графский задаток до завершения заказа. Остатка хватало на новый запас подкладочного шёлка, и впервые за неделю я могла подумать о покупке без неприятного стеснения в груди.

Мэйзи принесла тарелку с пирогом, когда я уже укрепляла петлю для нагрудного знака. На подкладке я сделала дополнительный плоский слой, распределив тяжесть так, чтобы дорогой металл не вытягивал лацкан. Подруга одобрительно покивала, хотя я подозревала, что она смотрит главным образом на плечи манекена и вспоминает их недавнего владельца.

— У тебя такой вид, словно ты лично собираешься нести этот знак весь вечер, — заметила она, ставя тарелку на свободный край стола. — Поешь, пока не остыло, иначе опять придётся выяснять, способен ли чай заменить ужин. И не тревожься насчёт знатного клиента: я видела, как он выходил, и недовольным он точно не был.

— Я тревожусь насчёт лацкана, который должен выдержать неизвестно какую тяжесть, — возразила я, проверяя укрепление большим пальцем. — Ты сама попробуй испечь пирог, не зная, сколько гостей собираются от него отрезать. Заказчикам всегда кажется, что самая важная подробность совершенно очевидна и упоминать её незачем.

Мэйзи подвинула тарелку поближе и пообещала оторвать мне руки, если я испачкаю рукав в соусе. Я послушно отложила иглу, вымыла пальцы и съела ужин, пока подруга рассказывала, что дверь Бет теперь закрывается с первого раза. Кузнец заодно поправил шаткую полку, а за работу получил такой большой свёрток мяса, что, по мнению Мэйзи, был вынужден согласиться на следующий визит хотя бы из благодарности.

После её ухода я задвинула засов и зажгла настольную лампу. Свет лёг на распоротые участки отделки, и без двух снятых листьев узор показался мне неопрятным, как оголившаяся ветка среди густой кроны. Я достала материнскую тетрадь, подложила под неё чистый лоскут и нашла нужный разворот по загнутому уголку.

Над рисунком сохранилась короткая пометка о порядке стежков. В детстве я вечно пропускала промежуточный, потому что он прятался под следующим и казался бесполезным, а мама терпеливо заставляла переделывать. Теперь я даже для чужих рисунков сначала прокладывала невидимую основу и только потом бралась за отделку, хотя уже не смогла

бы толком объяснить, когда именно усвоила эту привычку.

На красной нити возле ушка возник тугой узелок. Я осторожно распустила его остриём, выровняла волокна и продолжила ветвь, следя, чтобы мелкие листья не перетягивали край воротника. За стеной заканчивали убирать пекарню, звякали противни, и этот привычный шум помогал не возвращаться мыслями к серым глазам, в которых мне померещился огонь.

Когда последние звуки стихли, я заметила, что сижу неестественно прямо. Между лопатками ныло от усталости, а палец под напёрстком ощутимо нагрелся, будто я слишком долго держала иглу возле лампы. Я отодвинула её подальше, сняла напёрсток и потёрла руку, удивившись, как сильно хочется просто положить голову на стол.

Оставалось закончить один маленький лист, и я решила не откладывать его на утро. Подхватила тёмную нить, вывела иглу с изнанки и вдруг почувствовала резкий жар у самого кончика пальца. По красной вышивке пробежала золотистая искра, такая быстрая, что я не успела понять, возникла она в ткани или перед глазами.

Я выпустила иглу и вскочила, поспешно отводя костюм от лампы. На ткани не было подпалины, фитиль горел ровно, а расстояния от стеклянного колпака до вышивки было достаточно, чтобы не опасаться огня. Несколько мгновений я смотрела на свои руки, потом решилась осторожно коснуться стола рядом с воротником.

Всё было холодным, кроме самого кончика иглы. Я подождала, прикоснулась ещё раз и тут же отдёрнула палец, ощутив крошечный укол жжения. Усталость могла объяснить искру перед глазами, но горячей стали я объяснения не находила.

Я накрыла законченную вещь чистым полотном и погасила лампу. Уже у двери мне захотелось вернуться и проверить, не осталось ли на красной нити золотого следа, однако я удержалась и повернула ключ. По дороге домой я то и дело прижимала большой палец к ладони, вспоминая, что точно такой же жар сегодня почувствовала под чужой манжетой.

Глава 3

К утру на большом пальце появился крохотный красный след. Я разглядывала его над тазом с водой, пытаясь вспомнить, не касалась ли вчера горячего утюга, и прекрасно знала, что не касалась. Утюг стоял на подставке задолго до того, как я взялась восстанавливать вышивку.

Костюм лежал под полотном именно так, как я его оставила. Ни подкладка, ни отделка не пострадали, а игла, которую я подняла со стола, оказалась совершенно холодной. При утреннем свете ночная тревога выглядела нелепо, и я с облегчением занялась последней проверкой швов.

До четырёх часов оставалось достаточно времени, чтобы отутюжить вещь, подготовить записку камердинеру и принять двух посетительниц. Первая забрала переделанную юбку, вторая принесла платье миссис Эванс с разошедшейся боковой застёжкой. Я обещала починить его к завтрашнему вечеру и записала срок в книгу, ещё не подозревая, насколько неудобным он вскоре окажется.

Посыльный явился за несколько минут до назначенного часа, когда я уже укладывала костюм в широкую коробку. Это был худощавый юноша с тёмными веснушками и выражением сосредоточенного достоинства, которому мешала слишком большая шляпа. Он представился Финном, передал мне запечатанный пакет и только после этого позволил

себе взглянуть на лиловую отделку.

— Господин распорядитель велел ничего не класть поверх и держать коробку ровно, — сообщил он, словно заранее защищаясь от подозрений. — Я приехал в закрытой повозке, там есть свободная скамья, а на случай дождя мне дали покрывало. Если нужно что-нибудь передать, лучше скажите сейчас, потому что длинные наставления я могу перепутать.

— Наставления лежат внутри, их нужно отдать камердинеру, — ответила я, показывая сложенный лист. — За петлю на лацкане нельзя тянуть, а костюм лучше вынуть сразу, не оставляя на ночь в коробке. Всё остальное он и без меня знает, если граф до сих пор выходит из дома одетым.

Финн улыбнулся, но немедленно придал лицу прежнюю важность. В пакете лежали восемь гиней и отдельный плотный конверт, на котором было написано моё имя. Я пересчитала деньги, отметила окончательный расчёт и протянула юноше расписку, стараясь не смотреть на конверт чаще, чем на сам заказ.

— Это письмо тоже от его сиятельства, а ответ я могу подождать, — пояснил Финн, принимая бумагу. — Только распорядитель просил обязательно узнать, удобен ли вам назначенный час. Если нет, он распорядится прислать карету раньше или позже, но просил не оставлять этот вопрос до завтра.

Я посмотрела на юношу, потом на конверт и осторожно вскрыла печать. Внутри оказалось три приглашения на зав-

трашний бал, причём каждое было подписано отдельно: мне, Мэйзи Купер и Бет Харпер. Под ними лежала короткая записка, в которой Эдмунд Эшфорд благодарил за работу и предлагал представить мою мастерскую гостям своего дома.

Я прочитала записку дважды, после чего достала из книги нашу вчерашнюю договорённость. Подписи совпадали, а на печати отчётливо виднелся дракон среди ветвей, которого я рассматривала на карете. Сомневаться в подлинности было трудно, но поверить, что три хозяйки лавок действительно приглашены на бал, оказалось ещё труднее.

— Приглашения именные, и у входа будут знать, что вы приедете вместе, — добавил Финн, заметив моё замешательство. — Карету предлагают подать к пяти часам, а начало приёма назначено на шесть. Если вы ещё не решили, я могу сначала погрузить коробку, чтобы вы спокойно всё обдумали.

Мне понравилось, что он не пытается угадать мой ответ по выражению лица. Я попросила дать мне несколько минут и подошла к дверям, позвав Мэйзи у входа в пекарню, а Бет — через открытую дверь её лавки. Обе явились так быстро, словно весь день только и ждали, когда в моей жизни случится что-нибудь интереснее прорванного шва.

Мэйзи прочитала своё приглашение, прижала его к переднику и посмотрела на меня с недоверием. Бет сперва перевернула карточку, проверяя, нет ли с обратной стороны условий, которые мы обязались выполнить. Затем она расправи-

ла плечи и спросила, насколько неприлично будет сразу согласиться, не отговариваясь занятостью.

Я посмотрела на них и неожиданно поняла, что хотела бы поехать. За страхом снова попасть в чужое общество стояли любопытство, гордость за собственную работу и ещё одно желание, которого я пока предпочитала не называть. Я вернулась к стойке и написала ответ, принимая приглашение для всех троих на предложенный час.

Финн спрятал письмо во внутренний карман и помог перенести коробку в повозку. Я проследила, чтобы она стояла ровно, пожелала ему благополучной дороги и закрыла дверь, уже зная, какой вопрос последует первым. Но Мэйзи заговорила о туфлях, а Бет — о платьях, и только тогда до меня дошло, что завтрашний бал потребует от меня гораздо больше работы, чем сегодняшний графский костюм.

— Новые платья я вам до завтра не сошью, даже если мы перестанем спать, — предупредила я, пока подруги не успели придумать невозможного. — Нам придётся переделывать то, что есть, и обойтись моими остатками ткани. За дорогим шёлком я не пойду, потому что эти деньги уже распределены между столом, долгами и закупками.

Бет немедленно заявила, что её лучшее платье всё ещё приличное, если не считать выцветшей ленты на поясе. Мэйзи задумалась о своём голубом, которое за последний год приобрело опасную привычку застёгиваться только на полном выдохе. Я отправила обеих за одеждой и сняла с верхней

полки коробку с хорошими обрезками.

Остаток дня прошёл под шелест бумаги и бесконечные попытки убедить подруг стоять спокойно. К сумеркам на стуле лежало вишнёво-коричневое платье Бет, на манекене висело голубое платье Мэйзи, а я уже перестала жалеть о том, что согласилась. Старые вещи были сшиты добротно, их требовалось только немного подогнать и иначе расставить акценты.

— Здесь можно вставить узкую полосу серого шёлка и повторить её у горловины, — сказала я, приложив ткань к боку Мэйзи. — Ты получишь свободный вдох, а все остальные решат, что так и было задумано с самого начала. Только перестань втягивать живот, иначе я оставлю тебе ровно столько места, сколько ты сейчас изображаешь.

— Я не втягиваю, я стараюсь помочь, — возразила подруга, послушно расслабляя плечи. — У тебя такой строгий вид, будто я испортила дорогую выкройку одним лишним пирожным. В конце концов, булочки сами себя не попробуют, а я обязана отвечать за качество товара.

Бет засмеялась и получила от меня просьбу не раскачивать манекен, на который она опиралась. Её собственное платье я решила освежить кремовым воротником и широкой лентой цвета лесного ореха. Для этого подходил отрез, оставшийся после свадебного заказа, а старое кружево можно было снять, не затрагивая швы.

— С нас ужин и доставка завтрашних заказов, — объяви-

ла Бет, рассматривая новую ленту. — Ты сегодня шьёшь, а мы делаем всё, ради чего тебе пришлось бы вставать из-за стола. И не смей говорить, что тебе ничего не нужно, потому что мы уже слишком хорошо знаем эту твою привычку.

Собственное платье я принесла из комнаты, которую снимала в двух переулках от ателье. Тёмно-зелёную шерсть когда-то подарил отец, а шёлковые вставки я купила уже на первые заработанные здесь деньги. Я надевала его всего несколько раз и берегла так усердно, будто хорошая вещь могла испортиться от слишком большого количества счастливых вечеров.

Мэйзи приложила платье ко мне, оценила вырез и велела распустить волосы. Бет предложила собрать их повыше, чтобы было видно шею, а я попыталась выяснить, когда именно они успели договориться распоряжаться моей головой. В ответ обе посоветовали не спорить с людьми, которые сегодня взяли на себя ужин.

— У тебя цвет глаз сразу становится ярче, — сказала Мэйзи, пригладив ткань у моего плеча. — Не нужно ничего добавлять, кроме светлой отделки, иначе ты опять спрячешься за собственной работой. И позволь хотя бы раз сделать тебе причёску человеку, у которого в руках нет булавок для подола.

За поздним ужином мы обсудили, кто присмотрит за лавками, и выяснили, что Бет уже успела попросить двоюродного брата подменить её после полудня. Мэйзи оставляла пе-

карню на помощника, предварительно намереваясь убрать с его глаз все мешки, кроме нужных. Мне предстояло только вывесить объявление о раннем закрытии и не забыть отдать платье миссис Эванс.

— А если там окажется твой Саймон? — негромко спросила Бет, когда Мэйзи вышла за чайником. — Я не собираюсь портить тебе вечер заранее, но лучше нам знать, чем потом гадать у чужой лестницы. Если захочешь уехать, скажи сразу, и мы уедем вместе.

— Я не знаю, приглашён ли он, — ответила я, убирая со стола хлебные крошки. — Но не хочу всю жизнь выбирать улицы и дома, где его наверняка не будет. Если станет тяжело, я вам скажу, только давайте не станем заранее считать, что мне обязательно понадобится спасение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.